
А.Л. Темницкий
(Москва)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАТЕГОРИИ «СОЦИОКУЛЬТУРНОСТЬ»¹

Статья посвящена проблеме формирования культуры работы исследователя с понятиями, вводимыми в оборот научного поиска. Раскрывается потенциал категории «социокультурность» при разных подходах к ее интерпретации. Показываются возможности разработки и использования социокультурного подхода при обращении к проблемам труда в трансформирующемся российском обществе.

Ключевые слова: социокультурность, адекватная интерпретация, социокультурное противоречие, социокультурный подход, социокультурные дуальные оппозиции, патернализм – партнерство.

«Социокультурность» может рассматриваться как фундаментальное понятие или научная категория потому, что является основой для разработки множества других, связанных с ней, но менее абстрактных понятий. Предполагается, что *социокультурные* процессы, *социокультурные* факторы, *социокультурные* явления и т.п. должны раскрывать проявления социокультурного, т.е. исходить из паритетности культуры и социальности, их несводимости и невыводимости друг из друга [1, с. 219; 2, с. 11].

Использование данной категории в ряде случаев сопровождается методологической неопределенностью и зачастую противо-

Александр Лазаревич Темницкий – кандидат социологических наук, доцент МГИМО (У) МИД РФ, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: taleksandr@list.ru.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект №05-03-03174а).

речащими друг другу толкованиями смысла социокультурного либо вовсе отсутствием каких-либо уточнений его содержания. Несомненно, что массовое увлечение отечественных социологов использованием в современных реалиях терминологии, связанной с категорией «социокультурность», было во многом вызвано желанием уйти от экономического детерминизма, несколько десятилетий господствовавшего над умами ученых. Широкое использование в социологических работах постсоветского периода различных модификаций этой категории требует внесения некоторой ясности в ее содержание, обобщения подходов, сложившихся за постсоветский период и обоснования адекватной дефиниции «социокультурного» для разработки на ее основе методологии и методики социологического исследования.

Основанием для этого вывода послужили статьи из журнала «Социологические исследования», в названии которых фигурировал термин «социокультурное». Всего за 1994–2004 гг. было выявлено 16 подобных статей (приложение 1). Обращение к данным статьям и другим публикациям преследовало следующие цели: выявить смысл и содержание вкладываемый авторами в это понятие; определить ограничивался ли автор включением анализируемого понятия только в название или использовал его и в тексте статьи; выявить, давалось ли понятию в заголовке статьи предварительное уточнение, или же оно сразу помещалось в аналитическую часть публикации; определить, проводилась ли в работе попытка соотнести ключевое понятие с какой-либо научной школой, парадигмой.

Из приводимого перечня работ прежде всего были выделены те, в которых авторы ограничились лишь включением термина «социокультурное» в заголовок статьи, а в тексте его уже не использовали. Так, к примеру, в статье «Кинотеатр как социокультурный полигон досуга» предлагается читателю самому додуматься: почему кинотеатр – социокультурный полигон [3]. Можно, конечно, предположить, что кино рассматривается как элемент культуры, а зрители как социальная группа. В другом подобном

случае, когда анализируемое понятие вовсе не используется в тексте статьи, а говорится о представлениях, мировоззрении, образе жизни, жизненных ценностях молодежи, то по соотношению с названием статьи можно сделать вывод, что все это проявления социокультурной идентификации, но с не меньшим основанием можно сделать и другие обобщения [4].

Отсутствие в работах дефиниции вводимых в оборот понятий либо придание им самых разнообразных смыслов и оттенков не мешает найти обобщающие авторов признаки, обозначить конторы используемых теоретико-методологических подходов, потому как мы придерживаемся принципа «даже если исследователь осознанно не принимает социально-философскую концепцию, он непременно ей следует» [5, с. 17].

Выявление смысла, вкладываемого авторами в термин «социокультурное», позволяет утверждать о существовании, по крайней мере, шести различающихся трактовок. Вначале укажем интерпретации социокультурного, не вполне адекватные, на наш взгляд, его природе.

1. Интерпретация, сводящая социокультурное к другим не менее фундаментальным понятиям.

Под таковыми понимаются: ментальность, культурные традиции, генотипы. Употребление понятия социокультурного в таком случае часто связывается с желанием подчеркнуть укорененность, неизменчивость того или иного социального явления или процесса. Тогда, в широком смысле слова социокультурное отождествляется с глубоко укорененными в обществе культурными традициями, в основе которых лежат универсальные базовые ценности, определяющие целостность нации, отдельных групп общества, их «социокультурные коды» [6]. Например, в логике такого подхода в ходу утверждения, что сила социокультурных обусловленностей трудовой деятельности заключается в том, что «с устранением их современных проявлений: коллективизма, патернализма ожидают, выходят на поверхность более фундаментальные и архаич-

ные уровни (общинность, артельность)» [7, с. 39]. При подобной интерпретации «социокультурность» теряет качества, пусть и фундаментальной, но все же переменной, приобретает черты константы, постоянно действующего универсального фактора. Возможности проведения социологического исследования при таких представлениях ничтожны.

2. Интерпретация социокультурного на основе веберовской теории.

Последователи М. Вебера видят эвристический потенциал этой категории в ее способности преодолевать влияние экономического детерминизма при объяснении социально-экономических процессов в обществе. Согласно такому подходу социокультурным считается все, что связано не с непосредственной экономической деятельностью, а с ее духовными аспектами: «ценностными, мотивационными, идейными факторами...» [8, с. 242]. Применительно к сфере труда в этом случае социокультурным следует называть все то, что связано не с самим трудом, а с внешним по отношению к нему контекстом или смыслами, которыми человек объясняет свое поведение, используя не характеристики самой ситуации, а культурные нормы и ценности.

При всей значимости положений М. Вебера о роли внешних по отношению к непосредственной хозяйственной деятельности факторов, прежде всего, религиозных норм и ценностей, содержание категории «социокультурность» при данном подходе существенно обедняется, так как слабо учитываются противоречия и согласования между реальными социальными практиками и культурными факторами. Добросовестное использование веберовской методологии при разработке инструментария исследования несомненно уводит от экономического детерминизма, но может привести к детерминизму культурному.

3. Интерпретация социокультурного на основе культурологии.

Социальное при такой интерпретации «утопает» в культурном, поскольку само функционирование культуры рассматривается как

социальный процесс [9]. Объяснительные возможности культурологии представляются достаточными для анализа социокультурных процессов в обществе, например, для объяснения проблемы управления сквозь призму культуры многонационального города [10, с. 132]. Итогом возвышения культурного над социальным становятся методологические принципы, согласно которым социокультурное можно рассматривать как «культурное измерение туризма и складываемого на этом фоне культурного туризма» [11, с. 292]. Интерпретация социокультурного сквозь призму культурологии, по сути, является дополнением, а в определенном смысле и отождествлением подхода М. Вебера, но в менее сфокусированном виде. Социальное рассматривается как производная функция культуры.

4. Интерпретация социокультурного как латентного свойства социальных систем или институтов.

Согласно такому подходу социокультурным может быть названо все то, что выходит за пределы прямых функций социальной системы, либо какие-то ее скрытые неафишируемые свойства и качества. Так, например, вводится понятие «социокультурная ориентация правового порядка», которая предполагает снижение силовой составляющей деятельности в пользу ненасильственных методов [12]. Получается, что социокультурным объявляется все то, что является второстепенным по отношению к прямым функциям системы правового порядка. К подобного рода объяснениям социокультурного примыкают интерпретации с экстравагантными, уникальными определениями. Оказывается, что социокультурным может быть объявлено все то, что связано с «инновационным подходом к обучению (необходимости сотворчества учителя и ученика)» [13, с. 91], либо с жанром этюда как метода в преподавании социологии [14].

5. Максимально расширительная трактовка социокультурного.

Иногда понятию социокультурного придается максимально всеобъемлющий характер, и используют, включая в него, все

социально-материальные, социально-демографические и социально-психологические тенденции, наблюдаемые в обществе [15]. В ряде случаев вводят понятие социокультурные предпочтения, а в них – вся система ценностей населения, религиозные взгляды и убеждения, предпочтения в сфере экономического поведения, т.е. по сути, все то, что связано с субъективными факторами, влияющими на сознание и поведение индивида [16]. Или вот еще один пример, когда социокультурное с позиций расширительной точки зрения применительно к рабочему классу рассматривается как обобщенная характеристика пролетариата как класса, включая такие параметры, как политические взгляды, психологию, мораль, экономическую характеристику, трудовой облик, культурный быт и уклад [17, с. 5].

При таких расширительных трактовках стирается предметность социокультурного, ибо из него даже экономическое не исключается.

Ниже рассмотрим интерпретации социокультурного, приближающиеся к моделям адекватным его смысловой природе.

6. Интерпретации социокультурного на основе модели П.А. Сорокина.

Согласно П. Сорокину, социокультурное явление становится возможным при наличии значимого взаимодействия двух и более индивидов, в котором выделяются три необходимые компонента: субъекты взаимодействия; значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы [1, с. 193]. Складывающийся на основе значимых для индивидов взаимодействий социальный порядок носит неразделимый характер [1, с. 219]. Из него нельзя вырвать социальные отношения, не затронув культуру, точно так же как нельзя отдельно, без учета значимых для личности взаимодействий в обществе рассматривать культуру и оставаться при этом социологом. Такая

трактовка социокультурного и его дальнейшее развитие в теории имманентных социокультурных изменений в силу наличных и потенциальных собственных ресурсов [18] позволило П. Сорокину уйти от однофакторного подхода к объяснению изменений в социальной реальности – будь то экономический детерминизм К. Маркса или культурный детерминизм М. Вебера.

Использование категории «социокультурность» на основе модели П. Сорокина применительно к современным трансформирующимся обществам приводит исследователей к обнаружению взаимодействий и противоречий между социальным и культурным, например, между изменениями в общественной системе ценностей и переделом государственной собственности [19, с. 116].

Вместе с тем модель П. Сорокина для объяснения трансформационных процессов в обществе, на наш взгляд, не вполне адекватна в силу неразделимости и паритетности социального и культурного по отношению друг к другу. Вопросы возможных противоречий, борьбы между составляющими социокультурную реальность не получили достаточного и ясного ответа в его работах. Однако именно ответы на эти вопросы представляются важными в исследованиях трансформирующихся обществ. В этой связи обратимся к работам современных ученых, последователей социокультурного подхода.

Так, Н.И. Лапин [20], разрабатывая принципы социокультурного подхода, представляет общество как большую самодостаточную социокультурную систему, в которой сохраняется динамичный баланс между культурными и социальными компонентами. Вместе с тем стремление автора использовать теорию и методологию Т. Парсонса при разработке системных элементов процесса социокультурной либерализации в России так же, как и у П. Сорокина, уводит на задний план проблему потенциальной противоречивости между социальным и культурным.

На противоречивость социокультурных процессов как их фундаментальной атрибутивной характеристики обращает внимание

А.С. Ахиезер. В обществе постоянно возникают противоречия между социальными отношениями и культурой, т.е. социокультурные противоречия. Их источниками становятся культурные программы, которые смещают воспроизводственную деятельность таким образом, что в результате разрушаются, становятся нефункциональными жизненно важные социальные отношения [21, с. 56]. Именно культуре, а не социальным отношениям автор придает большие возможности для свободного выхода за собственные рамки. Культура рассматривается как сфера творчества и фантазии, а социальные отношения всегда должны оставаться функциональными уже в силу самой своей воплощенности в массовый воспроизводственный процесс [22]. Приданию культуре человека преобразующих, а не консервативных функций способствует новая формирующаяся с конца XX в. социокультурная реальность. Происходит переориентация социокультурной истории. На передний план исследовательских интересов выходит проблема реализации субъективных представлений, мыслей, способностей, интенций индивидов в пространстве возможностей, ограниченных объективными условиями [23, с. 8]. Представляется, что именно в такой постановке содержание категории социокультурность выражено наиболее явно: культура – способ реализации субъективных представлений, мыслей, способностей, интенций индивидов, а социальное отражает объективные условия, рамки, границы, структуру в целом.

Рассмотрение социального и культурного в их напряженной соотносимости и латентной противоречивости друг с другом позволяет обнаружить «глубинные регуляторы действительно противоречивого поведения членов определенной социально- профессиональной группы» [24, с. 113]. Как пример адекватности природе социокультурного можно рассматривать выявляемые исследователями противоречия между требованиями к системе образования с позиций постиндустриального общества (культурное) и аутсайдерским статусом учителя в обществе (социаль-

ное) [25, с. 102]. В выявлении соотношения социального и культурного возможно как обнаружение определяющего влияния первого на второе, так и наоборот, а также их гармоничного сочетания. Например, в закрытом обществе цензура (социальное) подавляет культурное, в цивилизованном – они гармонично сочетаются [26, с. 88]. К числу адекватных подходов в интерпретации социокультурного можно также отнести те, в которых, хотя и не вычленяются аспекты социального и культурного в их взаимодействии, но указывается на актуальность анализа современных процессов сквозь призму взаимосвязи прошлого и настоящего. Например, при изучении особенностей социокультурных связей дезорганизованной молодежи выделяют и анализируют два вида связей: опора на традиционные культурные интересы, использование социального опыта, модернизированные культурные связи [27]. В обоих случаях социальное и культурное представлены в нерасчлененном виде, но различающим критерием выступают образцы прошлого и настоящего.

Принцип двойственности «социокультурного»

Представляется, что наиболее эффективным является применение категории «социокультурность» (при условии адекватной интерпретации ее содержания) к обществам трансформирующегося, а не стабильного типа развития. Именно трансформационные процессы: конфликтные взаимодействия между прошлым и настоящим, традициями и инновациями, советским и постсоветским требуют включения в инструментарий исследования принципов, составляющих природу *фундаментального социокультурного противоречия*. Анализ взаимодействий между субъективными представлениями, мыслями, способностями и интенциями индивидов (культурное) и ограничениями, которые задают социальные рамки (сложившиеся социальные отношения, группы и коллективы, социальные институты, структура в целом) позволяет

увидеть, как старое сопротивляется новому, как новое вбирает или исключает старое, что рождается в результате стыковки старого и нового. Определение того, что является старым, а что новым зависит от ситуации, ее временной и пространственной локализации. Например, на уровне современного частного российского предприятия технологии менеджмента по индивидуализации труда могут рассматриваться как проявление новых социальных отношений, а остающиеся в трудовой культуре рабочих традиции коллективизма в труде и трудовые отношения как отражение культурного прошлого [28].

Важнейшим принципом, включенным в механизм социокультурности, является *принцип двойственности*. Социокультурное как категория всегда предполагает и напряжение и соотносимость социального и культурного. При этом речь идет не о дуализме ее важнейших составляющих, а, по крайней мере, об их дуальности. Оппозиция социальное – культурное является не только культурологической, но и социально-психологической категорией, отражающей амбивалентность полюсов оппозиции и вместе с тем их движение друг к другу, вектор направленности которого во многом зависит от складывающейся ценностной ориентации субъекта [21, с. 160–161]. При таком подходе внимание исследователя направлено как на выявление соотношения и особенностей взаимодействия старого (традиционного) и нового (инновационного), так и на выявление тех промежуточных «гибридных» образований, которые возникают в процессе такого взаимодействия.

Принцип двойственности, заложенный в природу социокультурного (неразделимость, паритетность и вместе с тем и противоречивость социального и культурного) определяет и действенность данной категории как адекватной теоретико-методологической позиции для трансформирующегося российского общества. В этом видится ее коренное отличие от институционального подхода, поскольку социальные институты не могут быть двойственными, иначе они не институты, а социокультурность не может быть

однозначно понимаемой, иначе она не социокультурный феномен. Тогда как за институтами стоят характеристики определенности, упорядоченности, а в самой жесткой формулировке – стандартизованности в удовлетворении человеческих потребностей, то за категорией социокультурности – неопределенность, а в жесткой формулировке – борьба между социальными рамками и культурными интенциями индивидов, между традициями и инновациями в группах, фирмах, обществе в целом.

Представляется, что социокультурные противоречия, которые можно обнаружить на любом уровне социальных взаимодействий (от индивидуальных до глобальных), не могут иметь полного разрешения. Противоречивое соединение культуры и социальных отношений в этом не нуждается, потому как именно в реальных взаимодействиях культурных программ и их носителей (индивидов и групп) с постоянно воспроизводимыми рамками социальных отношений – источник постоянной активности социальных действий, в противном случае имело бы место стабильное, раз и навсегда упорядоченное общество. На самом деле мы всегда имеем дело с обществами, функционирующими на основе гибридных соединений норм и ценностей культуры с социальными отношениями. В этом смысле двойственность социокультурного – постоянный источник социальной активности людей.

Принцип двойственности, заложенный в основание категории «социокультурность», позволяет по-иному подойти к объяснению «парадоксов сознания». Так, Ж.Т. Тощенко обращает внимание на такой важный аспект как нарушение четкой взаимосвязи ценностей и ориентаций с социальной структурой общества, проявляющееся в целом ряде парадоксов сознания, например, поддержка рыночных преобразований и негативное отношение к их субъектам [29, с. 142]. С позиций социокультурного анализа эти и другие, казалось бы, парадоксальные социальные явления трансформирующегося общества отражают наличие базового социокультурного противоречия. Напряженное соотношение между про-

явлениями культурного (ценностных ориентаций на продолжение рыночных преобразований) и социального (определенное статусное закрепление таких преобразований в новых социальных отношениях) – естественное и необходимое. Было бы, напротив, парадоксальным, если бы такого рода противоречия не возникали.

Микроуровень использования «социокультурного»

Возможно ли использование категории социокультурности как базового основания для разработки программы и инструментария конкретных социологических исследований, например, в сфере труда на промышленных предприятиях?

Многие отечественные исследователи, придерживающиеся социокультурного подхода (А.С. Ахиезер, Н.И. Лапин, Р.В. Рывкина) считают, что его использование правомерно, прежде всего, для рассмотрения социокультурных процессов в длительном временном пространстве, для больших социальных групп. Невозможность изучения социокультурных процессов на малых отрезках времени, микроуровне (на предприятии, в повседневной деятельности, непосредственных взаимоотношений) объясняется их инерционностью, силой традиций, особым типом российского менталитета и т.п. Представляется, что в условиях трансформирующегося общества, в динамичных, бифуркационных и экстремальных средах возможно и необходимо изучение социокультурных процессов на микроуровне.

Два аспекта двойственности социокультурного могут стать основаниями в разработке методологических подходов к исследованиям трансформационных процессов в различных сферах российского общества: 1) классическое, постоянно воспроизводимое противоречие между культурой и социальными отношениями и 2) противоречивый процесс взаимосвязи остаточной культуры советского типа с новыми социальными отношениями постсоветского типа.

Использование социокультурного подхода применительно к сфере труда будет заключаться в том, что в нем не будет делаться акцент на чем-то одном, скажем, рыночных образцах трудовой культуры, объявляя негодными, архаичными те, которые ему противоречат (традиции коллективизма и патернализма). Понятия, связанные с культурным прошлым (традиционным, советским, плановым и т.п.) и отражающие настоящее (рынок, инновации, партнерство и т.п.), соотносятся при таком подходе лишь с историчностью происходящих изменений, без приклеивания им оценочных ярлыков. При разработке исследований важно лишь отобрать те социальные факты, которые по праву можно отнести к тому или иному времени. Предполагается также, что социальные факты прошлого и настоящего, закрепленные в определенных стереотипах мышления, являются действенными факторами трудового поведения.

Можно утверждать, что социокультурный подход получил отчетливое выражение в публикациях по проблемам труда в разгар осуществления рыночных реформ (середина 1990-х гг.). В нем за основу берутся ценностные аспекты труда и неформальные нормы, характеризующие противоречивое взаимодействие старого (советского) и нового (постсоветского) или традиционного и рыночного (инновационного) в трудовых отношениях на предприятиях и трудовом поведении. К тому же такой подход отражает применительно к современной России, по существу, столкновение двух культур: прозападной и просоветской.

Исследователи, использующие социокультурный подход делают акцент на проблемах увязки рыночных отношений с культурой патернализма [30], на соотношении традиционного и рационального в трудовой культуре работников предприятий с разными формами собственности [31], на взаимодействии патерналистских и партнерских ориентаций рабочих во взаимоотношениях с руководством и коллективистских и индивидуалистических ориентаций во взаимоотношениях с товарищами по работе [32].

Рассмотрим возможности выявления противоречивой взаимосвязи между нормами патерналистских отношений, отражающих проявление остаточной культуры советского прошлого, и нормами партнерских отношений, воспроизводящих социальные технологии современного менеджмента успешных частных промышленных предприятий.

Социокультурные оппозиции патернализм – партнерство

Как известно, с 1992 г. фактически произошло разрушение всех основных форм патернализма: государства, общественных и профсоюзных организаций, трудового коллектива. Работник остался один на один с администрацией, хозяевами предприятий.

Предполагалось, что с переходом к рыночной идеологии хозяйствования, расширением границ свободы труда укрепятся предпосылки для формирования партнерских трудовых отношений. Этому должны были способствовать превращение труда из обязанности в право, легитимация новых форм трудовой активности, значительно большие, чем раньше, возможности выбора мест занятости и др. Однако, как показали многочисленные социологические исследования, к концу 1990-х гг. не произошло значимого снижения патернализма в трудовых отношениях, а его ожидания у некоторых групп рабочих даже выросли.

Основное отличие постсоветского патернализма от советского видится в том, что в современных условиях, оставаясь важнейшей ценностью для большей части рабочих, он из реальности, являвшейся данностью для всех, стал малодоступным благом. Благосклонность и попечительство руководства приходится заслуживать, поскольку управляющие оказались практически независимыми от поведения рабочих. Принцип «не нравится – уходи» стал преобладающим во взаимоотношениях между рабочими и начальством.

Исходя из этого, можно сформулировать ряд исследовательских вопросов: «Какое распространение получили патерналистские и партнерские ориентации рабочих на нормы трудовых взаимоотношений на различного типа предприятиях, и как эти ориентации соотносятся друг с другом?» «Имеются ли на сегодня существенные предпосылки для развития партнерства или в ближайшем будущем будут вытеснены сложившиеся зачатки такого рода взаимоотношений?» «Какой социокультурный тип работника стоит за такими ориентациями?» Эти и другие вопросы легли в основу социологических исследований, проведенных в 1999–2002 гг. на экономически успешных промышленных предприятиях Москвы и Воронежа¹.

При анализе учитывались, прежде всего, те индикаторы, которые находят отражение в сложившихся на предприятиях нормах трудовых взаимоотношений с руководством. Для построения шкалы патернализма – партнерства использовались ответы на пять вопросов из анкеты рабочего.

К индикаторам патернализма были отнесены ориентации на нормы дружеских и доверительных отношений с руководством, неоспариваемое выполнение любых заданий непосредственного руководителя, зависимость размера зарплаты от взаимоотношений с руководством (в данном случае речь идет не об ориентации, а о сложившейся, по мнению рабочих, норме), непротивление любому вмешательству руководителя в выполняемые профессиональные обязанности, ориентация на получение помощи от руководства в трудных житейских ситуациях. В целом эти и другие ориентации подобного рода образуют определенную структуру зависимости рабочего от руководства и администрации предприятий (табл. 1).

¹ В 1999–2000 гг. исследования проводились на двух московских предприятиях: на первом из них (частная швейная фабрика) было опрошено 239 чел., на втором (ОАО «Кондитерская фабрика») – 245 чел. В 2002 г. было проведено повторное исследование на новом частном предприятии в Москве ($N=155$ чел.) и ОАО «Воронежский завод металлоконструкций» ($N=115$ чел.).

Таблица 1

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ОРИЕНТАЦИЙ НА ПАТЕРНАЛИСТСКИЕ
НОРМЫ ОТНОШЕНИЙ С РУКОВОДСТВОМ У РАБОЧИХ
ОБСЛЕДОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ,
% от числа ответивших

Нормы патерналистских отношений	1999–2000 гг. (N=484 чел.)	2002 г. (N=270 чел.)
1. Ориентация на дружеские и доверительные отношения с руководством	48	38
2. Ориентация на неоспариваемое выполнение любых заданий руководителя	45	39
3. Зависимость размера зарплаты от взаимоотношений с руководством*	43	50
4. Непротивление любому вмешательству руководителя в выполнение профессиональных обязанностей	26	16
5. Ориентация на получение помощи от руководства в трудных житейских ситуациях	49	60

*Примечание. Отмечается не ориентация, а факт наличия зависимости по признаку рабочих.

Партнерские нормы взаимоотношений с руководством можно рассматривать как противоположные патерналистским. В исследовании была сделана попытка их выявления с помощью ряда эмпирических показателей, которые отражают независимость рабочих от руководства, опору на собственные силы. К индикаторам партнерских взаимоотношений с руководством были отнесены ориентации, направленные на укрепление чисто деловых отношений, необходимых для выполнения профессиональных обязанностей, независимость оплаты труда от взаимоотношений с руководством, отсутствие расчета на помощь руководства в трудных житейских ситуациях, неприятие вмешательства руководства в выполняемые профессиональные обязанности или его допущение только в необходимых случаях, отказ или от выполнения не-

согласованных заданий или их оспаривание до нахождения компромисса (табл. 2).

Таблица 2

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ОРИЕНТАЦИЙ НА ПАРТНЕРСКИЕ НОРМЫ ОТНОШЕНИЙ С РУКОВОДСТВОМ У РАБОЧИХ ОБСЛЕДОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, % от числа ответивших

Нормы партнерских отношений	1999–2000 гг. (N=484 чел.)	2002 г. (N=270 чел.)
1. Ориентация на чисто деловые отношения с руководством	52	62
2. Отказ от выполнения несогласованных заданий или их оспаривание до нахождения компромисса	55	61
3. Независимость размера зарплаты от взаимоотношений с руководством	57	50
4. Неприятие вмешательства руководителя в выполнение профессиональных обязанностей или его допущение только в необходимых случаях	74	84
5. Отсутствие расчета на получение помощи от руководства в трудных житейских ситуациях	51	40

Присваивая каждому из пяти указанных индикаторов патернализма 1 балл, а партнерства – 2 балла, можно построить континуум выраженности уровня развития данных ориентаций в сфере труда (табл. 3). Эвристический потенциал такой шкалы позволяет увидеть, как происходят изменения в удельных весах патернализма от его крайне выраженных позиций на шкале (5 баллов) к последовательному снижению и переходу в качество партнерских ориентаций с максимальной выраженностью (10 баллов).

Анализ соотношения патернализма и партнерства показывает, что в 1999–2000 гг. патерналистские ориентации рабочих несколько превышали партнерские (53 и 47%), а в 2002 г., напротив, уступа-

ли им (42 и 58%). В целом, ни те, ни другие не имеют явного перевеса и можно говорить об их сбалансированности. Сегодняшний рабочий успешного промышленного предприятия не является ни ярко выраженным патерналистом, ни партнером в своих взаимоотношениях с руководством [33].

Таблица 3

СООТНОШЕНИЕ ПАТЕРНАЛИСТСКИХ И ПАРТНЕРСКИХ
ОРИЕНТАЦИЙ РАБОЧИХ ОБСЛЕДОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, %*

Уровни патернализма – партнерства	1999–2000 гг. N=298 чел.	2002 г. N=270 чел
1. Высокий уровень патернализма (5-6 баллов)	25	16
2. Средний уровень патернализма (7 баллов)	28	26
3. Средний уровень партнерства (8 баллов)	25	33
4. Высокий уровень партнерства (9-10 баллов)	22	25
5. Среднее значение по шкале патернализм – партнерство	7,4	7,7

*Примечание. Шкала патернализм – партнерство строилась на основании предварительного присвоения 1 балла каждому из 5 указанных показателей патернализма, 2 баллов – партнерству. Таким образом, 5 баллов – максимальное выражение патернализма, 10 – партнерства.

Таким образом, предполагается, что социокультурный подход может рассматриваться как один из наиболее перспективных для исследования трансформаций в различных сферах жизнедеятельности современного российского общества.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статьи из журнала «Социологические исследования», отобранные для анализа

1. Акулич Е.М. Музей как социокультурное явление. 2004. № 10.
2. Артемов В.М. Социально-культурная ориентация правоохранительных органов. 2000. №1.
3. Богданов А.Л., Провоторов В.А. Кинотеатр как социокультурный полигон досуга. 1995. № 3.
4. Бунчак Я. Социокультурная трансформация в Словакии. 2003. № 7.
5. Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Т. Студент 90-х: социокультурная динамика. 2000. № 12.
6. Демидов А.И. Социокультурные стили в Центральной и Восточной Европе. 1998. № 4.
7. Дряхлов Н.И., Давыденко В.А. Социокультурные ценности россиян: вчера, сегодня, завтра. 1997. № 5.
8. Железнякова С.И. Социокультурные ориентации учителей. 2001. № 4.
9. Захаров Н.Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника. 2004. № 3.
10. Колесин И.Д. Подходы к изучению социокультурных процессов. 1999. № 1.
11. Латин Н.И. Социокультурный подход и социентально-функциональная структура. 2000. № 7.
12. Левченко И.Е. Цензура как социокультурный феномен. 1996. № 8.
13. Маршак А.Л. Особенности социокультурных связей социально-дезорганизованной молодежи. 1998. № 12.
14. Сиволапов А.В. К новой модели обучения: социокультурный подход. 1994. № 3.
15. Тюгашев Е.А. Социокультурный подход в преподавании социологии: жанр этюда. 1997. № 5.
16. Цукерман В.С. Социокультурные предпочтения в Челябинской области. 1997. № 10.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во Политической лит-ры, 1992.
2. Латин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: Институт философии РАН, 2000.

3. *Богданов А.Л., Провоторов В.А.* Кинотеатр как социокультурный полигон досуга // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 88–91.
4. *Карлухин О.И.* Самооценки молодежи как индикатор ее социокультурной идентификации // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 89–93.
5. Структура и уровни социологического знания: традиции и новые концепции (Интервью с В.А. Ядовым) // Социологические исследования. 2003. № 9.
6. *Бызов Л.Г.* Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России. 2002. № 1. С. 120–122.
7. *Сарно А.А.* Поддержка и регулирование мотивационных процессов в сфере трудовых отношений. СПб., 1997.
8. *Зарубина Н.Н.* Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1998.
9. Общая социология: Учебное пособие / Под общ. ред. А.Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 338–342.
10. *Колесин И.Д.* Подходы к изучению социокультурных процессов // Социологические исследования. 1999. № 1.
11. *Табатадзе И.А.* Социокультурные аспекты туристической деятельности // Доклады Второму Всероссийскому конгрессу. М., 2004. Т. 1.
12. *Артемов В.М.* Социально-культурная ориентация правоохранительных органов // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 51–54.
13. *Сивологов А.В.* К новой модели обучения: социокультурный подход // Социологические исследования. 1994. № 3.
14. *Тюгашев Е.А.* Социокультурный подход в преподавании социологии: жанр этюда // Социологические исследования. 1997. № 5. С. 112–116.
15. *Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.* Студент 90-х: социокультурная динамика // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 56–63.
16. *Цукерман В.С.* Социокультурные предпочтения в Челябинской области // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 104–105.
17. *Коробков Ю.Д.* Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Изд-во «Слово», 2003.
18. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 732–736.
19. *Бунчак Я.* Социокультурная трансформация в Словакии // Социологические исследования. 2003. № 7.
20. *Латин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000. С. 27–33.
21. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1: От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.
22. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 2: Теория и методология: Словарь. Новосибирск, 1998. С. 22–23.

Исследовательские возможности категории «социокультурность»

23. Чубарьян А.О. Современные тенденции социальной истории // Социальная история: Ежегодник. М., 1997.
24. Захаров Н.Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // Социологические исследования. 2004. № 3.
25. Железнякова С.И. Социокультурные ориентации учителей // Социологические исследования. 2001. № 4.
26. Левченко И.Е. Цензура как социокультурный феномен // Социологические исследования. 1996. № 8.
27. Маршак А.Л. Особенности социокультурных связей социально-дезорганизованной молодежи // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 94–96.
28. Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П. Коллективистские трудовые отношения на частном промышленном предприятии // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 201–208.
29. Тоценко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.
30. Плинер Ю.Е., Корсаков А.В., Соболева О.А. Патернализм как парадигма отношений на производстве (PRO и CONTRA) // Изменения в мотивации труда в новых условиях. М.: НИИ труда, 1992. С. 21–32.
31. Шершнева Е.Л., Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России. СПб.: Петрополис, 1999. С. 8–14.
32. Трудовые отношения на новом частном предприятии (социологический анализ данных трех исследований) / Отв. ред. А.Л. Темницкий. М.: ИС РАН, 2000. С. 92–95.
33. Темницкий А.Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 26–37.